

АНТОН АРАКЧЕЕВ

ВИРРАКС

КНИГА II — ЗАКОН СИЛЬНЕЙШЕГО

АНТОН АРАКЧЕЕВ

Вирракс - Закон сильнейшего

«Автор»

2026

Аракчеев А.

Вирракс - Закон сильнейшего / А. Аракчеев — «Автор», 2026

«Сильный не отказывается. Сильный принимает всё. Ваше тело умнее вашей судьбы. — Агитационный стенд программы «Закон сильнейшего».Продолжение нашумевшего тёмного фэнтези «Нулевая ветвь».Кайр Вейрн выжил там, где ломались другие. Он доказал, что человек может сказать эволюции «нет». Но власть не любит тех, кто не вписывается в её сметы. На площадке «Сито» из детей выращивают идеальных солдат и рабочих, выжигая в них право на выбор.Чтобы спасти тех, кого он не может бросить, Кайру придётся спуститься туда, куда не заглядывал ни один человек. В сердце глубины. Туда, где Вирракс впервые за миллиарды лет учится задавать вопросы.Читайте вторую книгу серии «ВИРРАКС». История, где магия — это не дар, а безжалостный кредитор. И где тишина бывает громче любого крика.

© Аракчеев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Аннотация	5
Пролог. Второй набор	6
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Антон Аракчеев

Вирракс - Закон сильнейшего

Аннотация

ВИРРАКС Закон сильнейшего · Роман

Серия «ВИРРАКС» · Книга вторая

Тёмное фэнтези · 16+

Кайр Вейрн сказал эволюции «нет» — и мир изменил форму. После Ночи невозможной эволюции он больше не носитель в привычном смысле: Память плоти стала выборочной. Каждое новое переживание теперь требует решения. Принять — и выставить счёт. Отказать — и потерять немного связи с тем, что делает человека человеком.

В Нижних секторах Эстары идёт перепись. Совет ведомств свернул «добровольную адаптацию» и запустил программу «Закон сильнейшего»: отбор, просеивание и принудительное выращивание носителей, которые не умеют отказываться. На площадке Вельсах вырос объект «Сито» — и тысяча голосов, в которых никто не живёт.

Нера учится любить тишину, которую гасит, и боится того, как быстро она учится. Лисса Тар идёт по следу того, кто держал поводок. Вейл под отметкой минус семь начинает помнить — и его дом начинает помнить его. А центральный объём Морвена-9, впервые за двадцать лет повернувшись к выходу, ждёт, что люди вспомнят сами.

Потому что отказ Кайра был не победой, а вопросом. И отвечать на него придётся всем. Тёмное фэнтези о цене отказа. Серия «ВИРРАКС». Книга вторая.

Книга предназначена для чтения и аудио-издания. Возрастное ограничение: 16+. Серия «ВИРРАКС» продолжается.

Пролог. Второй набор

Объект «Сито» располагался на площадке Вельсах, в горизонтах, которые тридцать лет числились выработанными и которые никто не проверял, потому что проверять выработанное — значит признавать, что на карте есть деньги, а у департамента обогащения их не было. К смотрителю первого класса Андеру Влотту его перевели с формулировкой «по состоянию здоровья»: на прежней площадке он пренебрёл инструкцией по переливанию амортизаторов, и станок откусил ему два пальца. На «Сите» работа была проще. На «Сите» нужно было водить инспекции и не задавать вопросов.

Инспекция шла по левому ряду. Влотт держал планшет на уровне груди и старался дышать так, чтобы его не было слышно. Куратор Крамм шёл впереди — не быстро и не медленно, с той ровностью, которую Влотт за месяц службы так и не научился имитировать. Руки у куратора были заняты не планшетом: сложены за спиной, ладонь в ладонь. На предплечьях, выше манжеты, у Крамма были швы. Аккуратные, частые, самодельные. Влотт однажды увидел их в санитарной комнате и пожалел, что увидел: швы шли рядами, как мерная лента, и самые старые из них были белыми.

— Сорок один день с момента инцидента на девятой площадке, — сказал Крамм, не оборачиваясь. Голос у него был сухой и негромкий, как шелест перфоленты. — Первая партия набора — восемьдесят четыре. Из них двадцать две профильные. Остальное — резерв. Откройте кабину одиннадцать.

Влотт приложил личный жетон к считывателю. Кабина одиннадцать открылась с шипением, как открываются двери, которые боятся сквозняка. Внутри лежал мальчик лет десяти, подключённый к прибору, которого Влотт раньше видел только на схемах: раскрытыватель шва. Прибор гудел на нижней границе слышимости — той самой нотой, от которой у людей ноют зубы.

Мальчик не спал. Он лежал с открытыми глазами и смотрел в потолок, и было в его спокойствии что-то, от чего Влотту захотелось закрыть кабину и уйти наверх, к шлюзам, к людям, к обычной работе с обычными машинами, которые ломаются по расписанию.

— Показать демо? — спросил Влотт, потому что в инструкции было написано: на инспекции показывают демонстрацию.

— Нет, — сказал Крамм. — Демонстрация — для скептиков. Я не скептик. Я читал его показатели три недели. — Он подошёл ближе и посмотрел на мальчика сверху вниз, без тепла и без холода, как смотрят на столбец цифр. — Скажите мне, смотритель, что будет, если этому ребёнку завтра прищемить руку дверью.

Влотт вспомнил свои пальцы. Боль, которую невозможно было ни стерпеть, ни остановить, ни отдать кому-нибудь.

— Закричит, — сказал он.

— Нет, — сказал Крамм. — Он попытается адаптировать. У него это получится в четыре раза быстрее взрослого носителя и в шестьдесят раз быстрее дикаря. Он адаптирует боль и продолжит решать задачу, которая стояла перед ним в момент травмы. Это и есть носитель, который не умеет отказываться. Мы не отбираем у него волю, смотритель. Волю у него отобрали раньше: та его часть, которая могла бы сказать «нет», просто не развилась. Мы лишь убрали из его шва помехи. — Крамм чуть наклонил голову. — Дверь. Хлопните ею. Сердито.

Влотт не хотел. Руки сделали это сами: страх перед куратором оказался сильнее жалости к мальчику, и это знание о себе он унёс с собой до конца жизни.

Дверь хлопнула. Мальчик дёрнулся, вдохнул — и замолчал. Кровь из-под ногтя перестала идти: под кожей что-то аккуратно подбирало своё. Через восемь секунд ребёнок снова смотрел в потолок.

— Здорово, — сказал Влотт. Других слов он не нашёл.

— Да, — согласился Крамм. — Это здорово. Вы не стерпели бы такую цену, смотритель. А он не платит. Он просто берёт.

Следующая точка инспекции была не по списку. Крамм остановился у бокового коридора, где стояла отдельная кабина — не из ряда, с одним-единственным ложем и стеклом в полный рост. Влотт знал, кто там, и старался мимо этого коридора не ходить: среди второго ведомства о ней шептались даже те, кто не шептал никогда.

За стеклом сидела девочка. На вид ей было около четырнадцати. Она не занималась ничем — ни приборами, ни сном, ни тем пустым ритуалом, которым живут люди под наблюдением. Она сидела на краю ложа и тихо напевала себе под нос. Без слов. Размеренно.

Крамм подошёл к стеклу и остановился на том расстоянии, на котором обычно стоят у гроба.

— Объект Ноль-Два, — сказал он ровно. — Единственный удачный посев на остатках ткани Ноль-Одного. Кровь из банка девятой площадки, сорок одна проба, из них живых — шесть. Вы слышите, как она поёт?

Влотт прислушался. Напев был странный: три удара, пауза, длинный с оттяжкой, пауза, два коротких. Потом снова.

— Колыбельная? — неуверенно спросил он.

— Шаблон, — сказал Крамм. — Ритм оригинала. Мы не учили её этому ни в каком виде. Она воспроизводит его с возраста шести месяцев, по пробирным записям. Тело помнит то, чего не помнит она сама. — Он помолчал. — Оригиналу разрешил шов и остановил поток. Совет ведомств считает это инцидентом. Я считаю это образцом. Выключатель, который мы не сумели запатентовать, уже существует, смотритель. Он сделан из человека, и он живёт в старых карманах под девятой площадкой. Ноль-Один жив?

— По данным наблюдения — да, куратор.

— Хорошо. Беречь. — Крамм отвернулся от стекла так спокойно, как закрывают за собой дверь могилы. — Ноль-Один — живым и целым. Гаситель взять отдельно и бережно: это Г-один, она бесценна, если будет работать на нас, и ценна вдвойне, если будет работать против. Свидетеля не трогать. Свидетель — наш якорь: где он, там дом. Всё остальное в карманах — расход.

Он пошёл к шлюзу. Влотт засеменял следом, неся планшет, как несут щит.

У шлюза Крамм остановился на секунду — так останавливаются, чтобы проверить, всё ли взяли. Планшет, печать, перчатки. Всё на месте. Он посмотрел на свои предплечья, будто впервые заметил швы, потом натянул манжеты ниже, до запястий.

— Смотритель, — сказал он. — У вас вопрос. Вы весь день хотите его задать.

Влотт сглотнул. Вопрос был глупый, человеческий, из тех, за которые на «Сите» переводят в сторожа. Он спросил всё равно, потому что два его пальца уже отняло за любопытство, и он знал, как это бывает:

— Куратор. А вы сами... вы же носитель. Вы ведь сказали ему «да». Эволюции. Сколько раз?

Крамм посмотрел на него без злости. Даже, кажется, с маленьким уважением — так смотрят на ученика, который впервые задал правильный вопрос.

— Четыре, — сказал он. — И я не сплю уже одиннадцать лет, не чувствую вкуса — семь, не чувствую холода — с прошлого года. Я принял всё, что мне предложили, и стал тем, кто может это нести. Это и есть закон сильнейшего, смотритель: сила — не то, что ты имеешь. Сила — то, сколько ты способен взять. — Он приложил печать к шлюзу. — А тот, кто живёт в карманах под девятой площадкой, думает, что сила — это «нет». Мы проверим. Наука — это когда проверяешь.

Шлюз закрылся. В кабине одиннадцать мальчик смотрел в потолок и ждал следующего дня, потому что дней у него было много, а вопросов не было никогда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.